

в Рис.1. Члены экспедиции у въездного знака в Хандыгу / Members of the expedition at the entry sign to Khandyga

Based on archive and field studies, the article considers architecture of prison camp facilities built on the territory of Yakutia during Stalin's terror. With the help of field studies, measurements and photofixation we have revealed compositional, planning and design features of bridges and prison camp facilities and analyzed their location.

Keywords:

Yakutia, Ust-Nera, camp barracks, bridges and roads, Hare's Loop, Black Prizhim, Yellow Prizhim

в Рис.3. Фрагмент карты с изображением дороги Якутск – Усть-Нера / A part of the map showing the road Yakutsk-Ust-Nera

The so-called "Stalinist" architecture of 1930-50s is well-known, especially among architects. Pompous and impressive, today, after more than half a century, it has become a subject studied by researchers and architectural and town-planning historians. It was an architecture praising and exalting the leader of all the nations. However, very few people, especially among the

younger generation, know that there was also another architecture of the Stalinist period – the architecture of countless Stalin's prison camps scattered all over the country. This architecture can be called an architecture of humiliation. Apparently, it should be also thoroughly studied. Constructions of this type have remained not in all areas of Russia. For two weeks during summer 2012 a historic

architectural scientific-research expedition studied the places of Stalin's prison camps of 1930-1950s in Yakutia.

The expedition's work in the regions and uluses was preliminarily scheduled from 19 to 31 July. In particular, we planned to visit the crash site of the bomber "Boston A-20", but due to the lack of time we had to exclude this long 24-hour route from the schedule. In the

УДК: 711.7(571.56) "19"

Архитектура сталинских лагерей в Якутии / Architecture of Stalin's Prison Camps in Yakutia

В статье на основе архивных и натуральных исследований рассматривается архитектура лагерных сооружений и объектов на территории Якутии периода сталинского террора. На основе натуральных исследований, обмерных работ и фотофиксации выявляются композиционные, планировочные и конструктивные особенности мостов, лагерных сооружений, анализируются места их расположения.

Ключевые слова: Якутия, Усть-Нера, лагерные казармы, мосты и дороги, Заячья петля, Черный прижим, Желтый прижим



Всем нам, а особенно архитекторам, хорошо известна так называемая «сталинская» архитектура 1930-50-х годов – помпезная, представительная, которая сегодня, спустя более полстолетия, стала предметом изучения исследователей, историков архитектуры и градостроительства. Это была архитектура восхваления, возмечивания вождя всех народов. Однако мало кто из наших современников, особенно молодых людей, знает, что была еще и другая архитектура сталинского периода – архитектура огромного количества нищих деревень, архитектура бесчисленного числа сталинских лагерей, разбросанных по всей стране. Эту архитектуру можно смело назвать архитектурой унижения. Как оказалось, ее тоже следовало бы как следует изучить. Далеко не на всех российских территориях сохранились сооружения данного типа. Летом 2012 года в течение двух недель на территории Якутии работала историко-архитектурная научно-исследовательская экспедиция, осуществлявшая исследование мест нахождения в 1930-1950-е годы сталинских лагерей.

В процессе предварительного решения вопросов на местах, в районах и улусах, где экспедиции предстояло побывать, был составлен примерный график ее работы с 19 по 31

июля. Планировалось, в частности, посетить место катастрофы бомбардировщика «Бостон А-20», однако времени было в обрез, так что большой крюк пути и более суток времени пришлось из графика исключить. В середине июня 2012 года график экспедиции был составлен, согласован со всеми участниками, и началась подготовка к ее осуществлению. Собственно, эта подготовка началась еще ранее, когда каждый из членов экспедиции осматривал и проверял собственное снаряжение, покупал что-то недостающее. В состав экспедиции вошли архитекторы из Хабаровска (Крадин Н.П., Дыминский С.А., Носырев В.В.) и Якутска (Алексеев Н.Н., Николаев И.А. и Шишигин И.И.). Нашими проводниками, а также участниками экспедиции стали супруги Иван Иванович и Зоя Викторовна Игошины (рис.1), которые еще с конца 1980-х годов многократно со своим поисковым отрядом «Лидер» бывали в самых отдаленных местах Якутии в поисках мест лагерей и захоронений заключенных. В результате их многолетних поисков были выявлены около 165 мест, где находились сталинские лагеря.

Прежде, чем начать наш рассказ непосредственно об экспедиции, следует, видимо, показать на основе имеющихся статистических данных, а

middle of June 2012 the schedule was made up and approved by the participants. The preparation started some time before, when every participant checked his equipment and bought what was missing. The expedition comprised three architects from Khabarovsk (N. P. Kradin, S. A. Dyminsky, V. V. Nosyrev), three architects from Yakutsk (N. N. Alekseev, I. A. Nikolaev, I. I. Shishigin) and two guides – spouses Ivan Ivanovich and Zoya Victorovna Igoshins (Fig.1), who have frequently visited camping and burial places in Yakutia with their searching group “Leader” since the late 1980s. As a result of their decades-long search they have discovered 165 places of Stalin’s prison camps.

Before starting our story about the expedition we should show an overall

picture of repressions basing on the statistical data and numerous publications on this painful topic. There is hardly any place in Russia untouched by this plaque of the XXth century, which killed tens of millions of innocent people deprived of a right to live. According to official statistical data (for example, the KGB Minister Ignatiev’s report to Stalin), in 1953 prison camps held 12 million exiled peasants, 20 million relatives of public enemies and 42 million people deprived of passports. It totaled 74 million. This fact is mind-boggling! And a great number of them had already been exterminated by that time... During our preparation, I was frequently asked: “why do you need it?”, “is it necessary to stir up the past?”, “what are you going to

achieve?”. Of course, we were not going to obtain anything material, for the expedition was at our own expense. But it opened our eyes to many things. We found out the harsh truth of that life. Though more than half a century has passed, the memory of the tragedy will remain in people’s minds for a long time. “Keeping silence is a quiet hope to return to former evil” could be a proper answer to the questions of curious and indifferent people.

Such mass annihilation of his own people can be called pathology or paranoia. Having covered the whole country with a net of prison camps, Stalin forced survivors to worship him, to make his bust and full-figure sculptures and to display his portraits

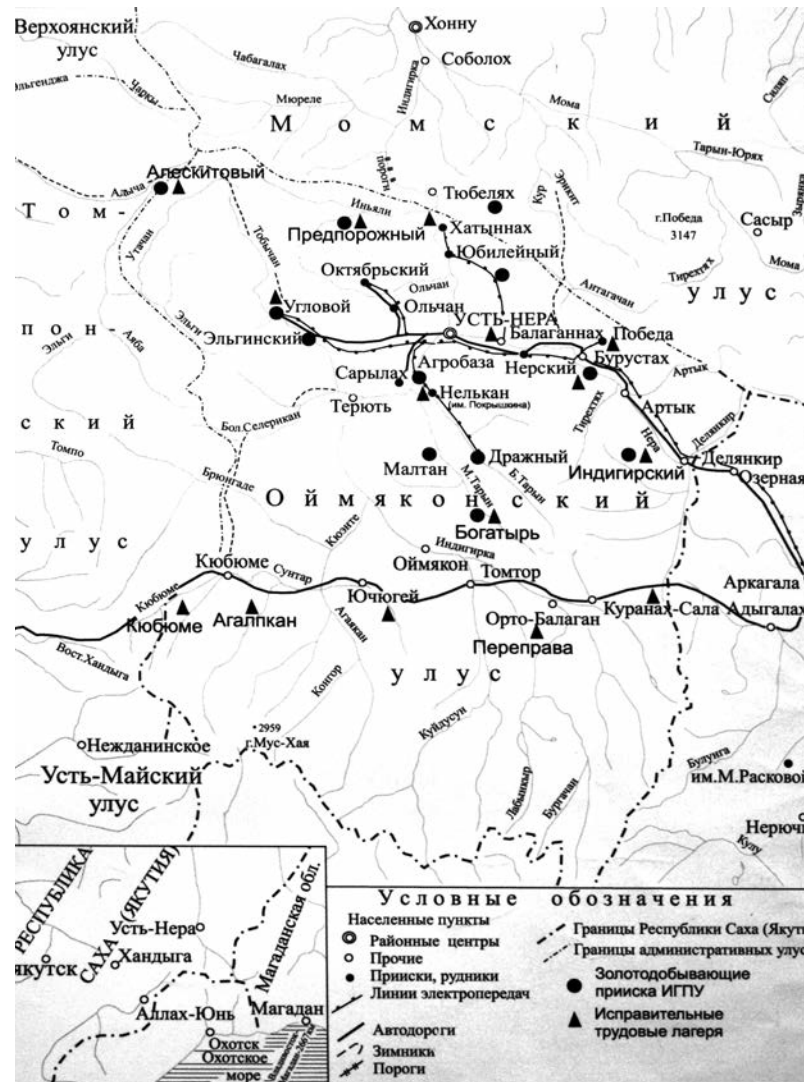
в Рис.2.Карта с размещением мест золотодобычи и лагерей в Якутии / The Map showing the gold-mining sites and prison camps in Yakutia

также многочисленных публикаций по этой болезненной теме общую картину репрессий. В нашей стране едва ли найдется место, которого бы не коснулась эта чума XX века, в результате которой погибли десятки миллионов людей – безвинных, лишенных права на жизнь. Судя по официальным статистическим данным (например, доклад Сталину министра КГБ Игнатьева), в 1953 году в лагерях находилось 12 миллионов ссыльных крестьян и членов семей врагов народа – 20 миллионов, а также лишенных паспортов – еще 42 миллиона. Итого 74 миллиона. Просто уму непостижимо! А сколько их к этому времени было уже уничтожено... В процессе сборов в экспедицию мне не раз задавали вопросы: «Зачем вам это надо?», «Стоит ли ворошить прошлое?», «Что вам это даст?». Нам, конечно же, это ничего не давало, особенно в материальном плане – ездили-то мы на собственные средства. А вот глаза после этой экспедиции открылись на многие вещи. Мы узнали горькую правду той жизни, пусть и прошло уже более полувека, но в памяти народа эта трагедия сохранилась и останется, видимо, надолго. «Умолчание – это тихая надежда вернуться к прежнему злу». Вот, пожалуй, самый точный ответ на вопросы любопытных и равнодушных.

Массовое истребление собственного народа – это какая-то патология, настоящая паранойя. Опутав сеть лагерей всю страну, Сталин добился того, что оставшиеся в живых его боготворили, повсюду ставили ему бюсты и памятники, вывешивали

портреты. Кстати, это же делали и сами заключенные в лагерях, но, разумеется, не по своей воле, а по приказам лагерного начальства. Как известно, в Забайкалье на 7031-м километре Транссибирской магистрали на высокой скале заключенными еще в 1935 году был высечен огромный бюст вождя всех народов (высота его составляла около трех метров), просуществовавший более 20 лет. Он стоял даже и после смерти и развенчания вождя, и только в 1956 году было объявлено, что наступила угроза обрушения скалы с бюстом, поэтому с разрешения Министра путей сообщения от 13 июня 1956 года вместе с бюстом скалу наконец-то взорвали. Кстати, по обеим сторонам портала одного из тоннелей на БАМе тоже красовались бюсты обоих вождей (Ленина и Сталина). Их сбили, когда заброшенный строительством на многие годы БАМ стали восстанавливать.

Употребляя термин «сталинские репрессии», мы часто забываем, что еще вождь мирового пролетариата, начиная сразу же после свершения Октябрьской революции, провозгласил террор относительно всех инакомыслящих. Уже в декабре 1917 года Наркомат юстиции была принята инструкция, определяющая состав Революционного трибунала, в мае 1918 года – декрет о репрессиях против кулачества, а 5 сентября того же года – Постановление СНК РСФСР «О красном терроре». В апреле 1919 года принимается положение «О революционных трибуналах», а в июне – Постановление ВЦИК об организации лагерей принудительных



everywhere. The prisoners did the same in their camps, though unwillingly, by the order of the camp authorities. In Zabaikalie, at the 7031st km of the Trans-Siberian railway, prisoners cut a huge three meter bust of the leader of all the nations in a high rock, which existed for more than 20 years. It remained even after the leader died and was discredited, and only in 1956 it was announced that the rock with the bust was going to fall down. So the rock with the bust was exploded by the order of the Ministry of Railway Transport of 13 June 1956. By the way, on both sides of one of the BAM's tunnel portals there were busts of the two leaders (Lenin and Stalin). Builders demolished them when they started to restore the abandoned mainline.

Speaking about "Stalinist repressions", we often forget that already the leader of the world proletariat announced terror against all dissenters right after the October revolution. As early as in December 1917 the People's Commissariat of Justice adopted regulations appointing the staff of the Revolutionary Tribunal, in May 1918 – a decree on repressions against kulaks, and on 5 September 1918 – a decree "On Red Terror" of the Council of People's Commissars of the RSFSR. In April 1919 regulations on "Revolutionary Tribunal" were adopted, and in June the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) issued a decree on forced-labor camps. Two years later, in April 1921, it was resolved to open a concentration

camp for 10-20 thousand prisoners near Ukhta (Republic of Komi). In March 1922 Lenin ordered the Politburo to suppress the clergy's opposition "so mercilessly that they would remember it for decades to come". The decree issued by VTsIK on 16 October 1922 granted the right of "extrajudicial execution" to the State Political Directorate, thus giving them full swing. It is curious, that, having forbidden people to go to church, the government started to organize the first concentration camps in empty monasteries, for example, in Solovetsky monastery, in Andronnikovskiy, Novospassky and Ivanovskiy monasteries in Moscow, and in former nunneries in Ryazan and Nizhny Novgorod. Since there were very few settlements and no

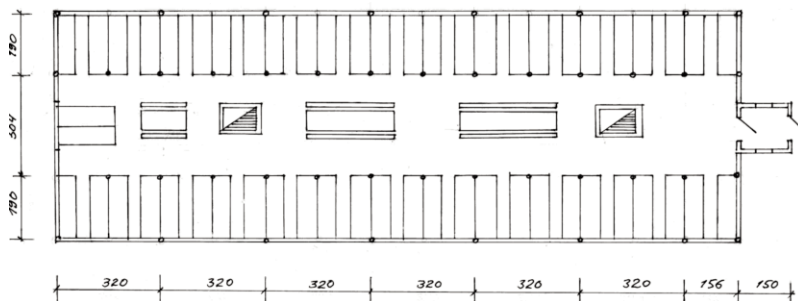


работ. Спустя два года, в апреле 1921 года было принято решение о создании в районе Ухты (ныне республика Коми) концлагеря на 10-20 тысяч заключенных. В марте 1922 года Ленин потребовал от Политбюро подавить сопротивление духовенства «с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий», а постановление ВЦИК от 16 октября 1922 года, предоставляющее ГПУ право «внесудебной расправы вплоть до расстрела» вообще развязало руки этим органам власти. Любопытно, что, отлучив после Октябрьской революции людей от церкви, правительство стало первые концлагеря устраивать в опустевших монастырях, в частности, в Соловецком, а в Москве – в Андронниковском, Новоспасском и Ивановском, в бывших женских монастырях в Рязани и Нижнем Новгороде. Естественно, на Колыме монастырей не было, здесь и населенных пунктов на сотни километров можно было пересчитать по пальцам, поэтому лагеря стали устраивать у мест приисков и вдоль строившейся дороги на Хандыгу и далее, по пути на Магадан к морскому порту (рис.2).

Можно было бы продолжать перечень документов, появившихся один за другим с короткими промежутками времени и направленными на подавление инакомыслия и истребление «социально-опасных лиц» – их просто несметное количество. С 1923 года комиссиям НКВД названной выше категорией лиц было предоставлено право отправлять в административную высылку и заключать в исправитель-

^ Рис.4-а. Интерьер палатки-казармы / Interior of a barrack tent

> Рис. 4. План палатки на 120 человек / The plan of the tent for 120 people



monasteries in Kolyma, the camps were located near goldfields and along the road under construction leading to Khandyga and further to Magadan and the sea port (Fig. 2).

The list of the documents that appeared one after another and were aimed at suppression of dissent and extermination of “socially dangerous people” is never-ending. In 1923 commissions of the People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD) were entitled to send “socially dangerous people” to administrative exile and put them into labor camps. Regulations became more severe and trial procedures became simpler in order to promptly decide people’s destiny without court decisions. The same year the TsIK of the USSR approved “The degree on the Joint

State Political Directorate (OGPU) of the USSR and its bodies”, and one year later – “The decree on the OGPU’s rights concerning administrative exiles and concentration camps”. Powers of the repressive bodies (OGPU, NKVD) grew with every year.

Mass repressions were often initiated by the Party’s and government’s resolutions. For example, the resolution adopted by the Politburo of the Central Committee of RCP(b) “on the state of the Yakutsk organization” of 9 August 1928 triggered a great wave of repressions in Yakutia. In 1929 the OGPU issued a circular on forming “the threes” for preliminary consideration of finished case investigations. These “threes” quickly decided the destiny of people under investigation without court

decisions. One year later such “threes” were organized in all other regions according to the OGPU’s order. In November 1934 the TsIK and the Council of People’s Commissars of the USSR decreed to organize a Special Council of the NKVD, which existed for almost 20 years. During these years the Special Council condemned more than 440 thousand people, including more than ten thousand sentenced to death.

Prison camps and repressive bodies situated in every region. For example, in Chita oblast adjacent to Yakutia, like everywhere in the country, people were repressed and sent to camps. In 1937 more than 31 thousand people were under investigation concerning “the Case of Harbin” (white immigrants) and almost two-third of them (19,312 people)

в Рис.5. Памятник воинам-землякам в с. Муғдай / Monument to local soldiers in Mugudai settlement

но-трудовые лагеря. Ужесточались инструкции, упрощалась процедура рассмотрения дел – все было направлено на то, чтобы без волокиты и всяких там судов решать судьбу людей. В том же году ЦИК СССР сначала утвердил «Положение об ОГПУ СССР и его органах», а спустя год «Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки, заключения в концлагерь». С каждым годом репрессивным органам (ОГПУ, НКВД) все больше и больше предоставлялось полномочий для массовых репрессий.

Часто их началом становились постановления партии и правительства. Так, например, постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О положении в Якутской организации» от 9 августа 1928 года вызвало мощную волну репрессий в Якутии. В 1929 году появился циркуляр ОГПУ о создании троек для предварительного рассмотрения законченных следственных дел. Именно эти «тройки» чаще всего и решали судьбу подсудимых без всякой волокиты и судов. Спустя год такие тройки, согласно приказу ОГПУ СССР, стали создаваться во всех краях и областях. В ноябре 1934 года постановлением ЦИК и СНК СССР было учреждено при НКВД так называемое Особое Совещание (ОСО), действовавшее почти 20 лет. За эти годы результатом «работы» ОСО стали более 440 тысяч осужденных, в том числе приговоренных к высшей мере наказания более десяти тысяч человек.

Лагеря и репрессивные органы имелись во всех регионах – краях, областях и даже районах. В соседней с Якутией Читинской области, например, как и по всей стране, тоже про-

исходили репрессии против народа, и имелись лагеря. К примеру, уже в 1937 году по так называемому «Харбинскому делу» (белоэмигранты) были рассмотрены дела на более чем 31 тыс. человек и почти две трети из них (19312 чел.) подверглись расстрелу, в том числе в Читинской области по этому делу были арестованы полторы тысячи человек. Один из первых лагерей в Забайкалье появился в 1938 году на месте существовавшей в пос. Букачаха исправительно-трудовой колонии, правда, просуществовал он всего четыре года. В 1941 году был организован исправительно-трудовой лагерь в г. Нерчинске, но он просуществовал всего около трех месяцев. В 1947 году в Забайкалье появился Балеялаг, а через год, в марте 1948 года из него выделилось Дарасунское лагерное отделение, находившееся в пос. Вершина-Дарасун. Оба они просуществовали почти шесть лет. В пос. Синельга Каларского района с января 1949 года функционировал Борлаг, получивший название «Мраморное ущелье», просуществовавший более двух с половиной лет.

Разумеется, в Забайкалье по сравнению с Якутией сталинских лагерей имелось значительно меньше, они были небольшими и существовали в большинстве своем непродолжительное время. Тем не менее, в забайкальских лагерях, как и по всей стране, творились беспредел и беззаконие, а подавляющее число заключенных были осуждены безвинно и сгнили в лагерях.



в Рис. 6. Лагерные строения в Хандыге / Camp facilities in Khandyga

suffered death. Particularly, in Chita one and a half thousand people were arrested. One of the first camps in Zabaikalie emerged in the place of the former correctional labor colony in Bukachacha settlement in 1938 and existed there only for four years. In 1941 a labor camp was organized in Nerchinsk and existed there only for three months. In 1947 the so-called Baleilag appeared in Zabaikalie, and a year later, in March 1948, it had the Darasun camp branch in Vershina-Darasun settlement. Both of them existed for almost six years. In Sinelga settlement (Kalarsky district) there was Borlag also called "Marble ravine", which appeared in January 1949 and existed for more than two and a half years.

Comparing to Yakutia, in Zabaikalie the number of camps was less. They were not very big and existed for a shorter period of time. However, in Zabaikalie, like all over the country, it was a complete outrage and lawlessness. The majority of prisoners were condemned without guilt to die in camps.

In 2003 researchers from Chita (V. I. Vasilevsky, G. A. Zherebtsov, A. V. Soloviev) published a small book with 62 pages called "A sentencing policy of the Soviet state. Short event history". It recites the documents concerning repressions from 1918 to 2003. It embraces a wide range of materials: from repressions to perpetuation of the memory of victims and publication of "The Book of Memory". With the help of

these documents, including those declassified after 1998, we found out that Stalin and his close Politburo associates sanctioned execution and long terms of punishment of almost 45 thousand people (according to 383 lists). This block of documents was called "Stalin's lists". In contradiction to what Stalin's defenders say, this information proves that Stalin knew very well how punitive agencies decided his own people's destiny, and took a great part in their annihilation.

But let's return to the expedition. The members of the expedition covered almost 3.5 thousand kilometers (to and from) within two weeks. They went from Yakutsk through Tattinsky and Churapchinsky Uluses, studied the sites of former Stalin's camps in Tomponsky

> Рис. 7. Остатки деревянного моста / Remains of a wooden bridge



В 2003 г. читинскими исследователями (Василевский В.И., Жеребцов Г.А., Соловьев А.В.) была издана небольшая, в 62 страницы, книжечка под названием «Карательная политика Советского государства. Краткая хронология событий», в которой перечисляются документы, касающиеся репрессий, за период с 1918 по 2003 годы. В ней собрано все – от репрессий до увековечивания памяти репрессированных и издания фолианта под названием «Книга памяти». Из перечня документов, в том числе и рассекреченных после 1998 года, удалось выяснить, например, что по личной санкции Сталина и его ближайших соратников по Политбюро к расстрелу и большому срокам наказания были приговорены почти 45 тысяч человек (по 383 спискам). Данный блок документов так и назывался – «Сталинские списки». Кстати, эта

информация как раз к разговорам в адрес защитников Сталина о том, что он якобы не знал, как решают судьбу людей в стране его ближайшие соратники и карательные органы. Прекрасно он все знал и сам приложил немало усилий для истребления собственного народа.

А теперь непосредственно об экспедиции. За две недели путешествия члены экспедиции преодолели почти 3,5 тысячи километров пути (туда и обратно). Они проехали из Якутска через Таттинский и Чурапчинский улусы и обследовали места бывших сталинских лагерей в Томпонском и Оймяконском улусах, доехали до Усть-Неры, вблизи которой также находился лагерь под названием «Аляскитовый». К сожалению, посетить нам это место не удалось в связи с тем, что поднялась вода в горной речушке Арангас, так что проехать на

машинах не имелось никакой возможности. Хочется обратить внимание читателей на следующий факт: многочисленные лагеря создавались в Якутии на местах добычи золота и при строительстве дорог, в частности протяженной и сложной дороги из Хандыги на Магадан к морскому порту (рис.3). Заключенные строили не только дорогу, но и возводили многочисленные мосты через речушки. Остатки таких мостов и прежних дорог сохраняются до настоящего времени, но, к сожалению, с каждым годом этих исторических реликвий остается все меньше и меньше – теперь строители сооружают новую дорогу, которая часто проходит по этим памятным местам.

Членам экспедиции довелось увидеть и немало остатков лагерных строений разного типа. Особенно поразили казармы, пол которых был

and Oymyakonsky Uluses, and reached Ust-Nera, close to which there was a camp called "Alyaskitovyi". Unfortunately, we failed to visit that place, because the water in the mountain river Arangas was so high that it prevented our cars from passing through. It is noteworthy, that a great number of camps were organized on the goldfields and near the roads under construction, for example, a long and difficult road from Khandyga to Magadan and the sea port (Fig. 3). Prisoners built not only the road, but also many bridges over the rivers. The remains of such bridges and roads have survived to the present day, but unfortunately the number of these historical relics is decreasing: today new roads are often built on these memorial sites.

Members of the expedition saw a lot of remains of various camp facilities. The view of the barracks with the floor made of boards laid directly on the permanent frost was especially striking. According to the measurements, the barracks were 20-21 meter long and about 7 meter wide. There were board beds on both sides of the barracks, and a three-meter wide passage in the center. Along the passage there were several stoves made of metal barrels (Fig. 4, 4a). This kind of barracks were described by A. I. Solzhenitsyn in his novel The Gulag Archipelago. Speaking about the prisoners, he wrote: "... they were housed in tents seven meters by twenty, of the kind common in the north. Surrounded with boards and sprinkled

with sawdust, the tent became a sort of flimsy hut. It was meant to hold eighty people, if they were on bunk beds, or one hundred on sleeping platforms. But katorzhane were put into them two hundred at a time".*

After the expedition we visited the planning institute in Yakutsk, where we saw a sketchbook made up in Dalstroiproject institute in Magadan in 1951. This book contained projects of about 40 buildings and facilities of different purposes – from latrines and stables, workshops and bakeries, watch towers, punitive confinements and garages, to brick or timber works and houses of engineering technicians and personnel. This book was used for building facilities along the road

* http://www.archive.org/stream/Gulag_Archipelago_III/Gulag_Archipelago_III_djvu.txt

в Рис. 8. Остатки лагерного барака / Remains of a camp barrack

в Рис. 9. Ряды колючей проволоки / Rows of barbed wire

наслан из досок прямо по вечной мерзлоте. Обмеры остатков некоторых казарм показали, что в длину они составляли 20-21 метров, а в ширину около семи. По обеим сторонам казарм были устроены нары, а в середине – проход шириной три метра. Вдоль прохода были сооружены несколько печей из металлических бочек (рис.4, 4-а). Интересно, что точно такие же казармы описывал А.И. Солженицын в своем романе «Архипелаг Гулаг». В частности, рассказывая о каторжанах, он писал: «... их поселили в палатках семь метров на двадцать, обычных на севере. Обшитые досками, и обсыпанные опилками, эти палатки становились как бы легкими бараками. В такую палатку полагалось 80 человек, если на вагонках, 100 – если на сплошных нарах. Каторжан селили – по двести».

Уже после возвращения из экспедиции в проектном институте в Якутске нам показали альбом чертежей лагерных сооружений, выполненный в проектном институте «Дальстройпроект» в Магадане в 1951 году. В этом альбоме представлены проекты около 40 зданий и сооружений самого разного назначения – от уборных и конюшен, мастерских и пекарни, вышек, изоляторов, гаражей до кирпичного и лесопильного заводов, домов ИТР и служащих. Весь этот альбом предназначался для строительства сооружений вдоль автодороги Хандыга – Эге-Хая. Многие из того, что нам пришлось увидеть в развалинах и зарослях во время экспедиции, оказалось в этом альбоме.

Следует заметить, что наша экспе-

диция задумывалась инициаторами ее проведения еще несколько лет назад, но всякий раз она откладывалась по каким-либо причинам, и наконец, в 2012 году было решено, несмотря ни на какие препятствия, ее осуществить. Якутскими архитекторами прорабатывался маршрут, добывалась информация с мест, решался вопрос с транспортом для экспедиции. После того, как все вопросы оказались решенными, было назначено и время ее проведения – вторая половина июля. За два дня до начала экспедиции хабаровские архитекторы прилетели в Якутск, где были окончательно уточнены все детали, сделаны запасы продовольствия, утвержден маршрут экспедиции.

Первый пункт назначения экспедиции – Хандыга, где мы должны были взять с собой проводников, хорошо знающих места сталинских лагерей и неоднократно бывавших в тех местах в прежние годы. По пути в Хандыгу ненадолго остановились в с. Мугудай. Здесь нас заинтересовал мемориал, посвященный односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. Необычность этого памятника в том, что все в нем выполнено из дерева. Фигура артиллериста, пушка, снаряды и прочая атрибутика – все из дерева. Подобного мы еще не видели нигде (рис.5). Понятно, что памятник самодельный, сооружен каким-то местным умельцем. Интересно было бы узнать историю создания этого необычного мемориала, но, к сожалению, времени свободного не было. До Хандыги еще ехать и ехать, а погода испортилась – начался дождь. В





Khandyga-Ege-Khaya. Most of the remains that we saw during the expedition were included in that book.

Our expedition had been planned several years before, but was postponed for different reasons until we finally decided to undertake it in 2012. Yakutsk architects worked out the route, retrieved information from the sites and organized transportation for the expedition. All the issues settled, we appointed the time – the second half of July. Two days before the start of the expedition the architects from Khabarovsk came to Yakutsk, where we made provision and confirmed the route.

The first point of the expedition was Khandyga, where we were going to pick up the guides Igoshins who knew the sites

of Stalin's camps very well. On our way to Khandyga we stopped in Mugudai village. There was a memorial to fellow villagers who died during the Great Patriotic War. Everything in that memorial was made of wood: the artillerist, the cannon, the ammunition and other elements. We have never seen anything like that (Fig. 5). It would be interesting to learn the history of that unusual monument made by some local craftsman. But we had to hurry up to Khandyga, because it started to rain. We reached Khandyga only by 1 a.m. We went to bed in a hotel for energy workers at 3 a.m.

At 7 a.m. we started preparations. Our drivers had to repair our all-terrain Kamaz. The members of the expedition visited the ulus administration and then

конечном итоге в Хандыгу мы добрались только к часу ночи. Здесь нам предстояло встретиться с нашими проводниками – супругами Игошинными, прекрасно знавшими эти места и неоднократно бывавшими в местах, где находились сталинские лагеря. Устроившись в гостинице энергетиков, только в три часа ночи улеглись спать.

Поспать удалось совсем немного, в семь часов утра стали собираться к отъезду по маршруту. Однако вскоре обнаружилась какая-то неполадка в нашем мощном и проходимом «Камазе» – вахтовке. В общем, предстоял ремонт, которым и занялись водители, а члены экспедиции после визита вежливости в администрацию улуса стали знакомиться с достопримечательностями Хандыги. Лагерь в Хандыге – это по сути большая редкость, поскольку обычно он располагался далеко от населенных мест, у приисков. Действительно, в Хандыге было что посмотреть, в том числе и объекты – предмет нашего интереса: два здания гулаговского лагеря (рис.6), нулевой пикет. После осмотра достопримечательностей пообедали вместе с главой Томпонского улуса Герасимовым Георгием Евгеньевичем, общались с ним. Важно отметить, что везде, где побывала экспедиция, участникам была оказана всесторонняя помощь со стороны глав администраций улусов и улусных центров. Понимание важности данной экспедиции выражалось в той помощи, которую они нам оказывали. Это и советы, и помощь в ремонте автомобиля, и решение проблем быта во время

наших редких и кратких по времени остановок в населенных пунктах.

Разумеется, самая главная встреча в Хандыге – с нашими проводниками. Иван Иванович и Зоя Викторовна Игошины. В их лице мы нашли прекрасных знатоков местности и надежных проводников. В процессе всего последующего пути и работы экспедиции мы в этом убедились, и с огромной благодарностью будем помнить о совместной двухнедельной научно-исследовательской работе. Они с готовностью предоставили нам рукопись своих изысканий, размышлений на эту сложную тему – репрессии и сталинские лагеря. Именно результаты многолетних походов позволили Ивану Ивановичу оценить масштабы этой жуткой эпопеи.

Из Хандыги экспедиция отправилась на север, в Теплый Ключ, чтобы на другой день двигаться далее, в Тополиный. По пути встречалось довольно много заброшенных ГУЛАГовских мостов и отдельных фрагментов дороги (рис.7). От места нашей стоянки в полукилометре должны были находиться остатки лагеря. И мы их отыскали. Развалины большого барака, карцера, бани и некоторых других строений, ряды колючей проволоки, сторожевая вышка. Все заросло травой и кустарником, однако некоторые строения удалось нанести на план, сделать их фотоснимки и краткие описания (рис.8-10). После этого отправились дальше – в сторону Тополиного. Короткая остановка на перевале Олган, с которого открываются потрясающие по своей красоте панорамы.

went to see the sights of Khandyga. The camp was located in Khandyga, which is very unusual, because camps were generally located far from settlements, near goldfields. It was interesting to see two buildings of the Gulag camp (Fig. 6) and a zero end. After seeing the sights, we had a dinner conversation with the head of Tomponsky ulus Georgy Evgenievich Gerasimov. We should note that wherever the expedition came, it was supported by the authorities of uluses and ulus centers. They gave advice, helped repair our automobile or solve other everyday problems during our rare and short stops in settlements.

Certainly, the most important meeting in Khandyga was with our guides: Ivan Ivanovich and Zoya Victorovna Igoshins. They are very reliable guides that know

the territory perfectly well. They proved it during the follow-up two-week research work of the expedition, and we are very thankful to them. They gave us a manuscript containing their investigations and meditations on this difficult topic concerning repressions and Stalin's prison camps. Having travelled for many years, Ivan Ivanovich could figure out the scope of that terrible epic.

The expedition left Khandyga for Teplyi Klyuch in the north to move to Topolinyi the next day. We saw a lot of abandoned Gulag bridges and fragments of the road (Fig. 7). A half of kilometer from our staging post we expected to find remains of a camp. And we found them. There were ruins of a big barrack, a punishment cell, a bath-house and other

facilities, rows of barbed wire and a watch tower. Everything was grassed over, but we managed to map out, photograph and describe some of the facilities (Fig. 8-10). Then we went to Topolinyi. We made a short stop at Olgan pass with its beautiful panoramas. Before Topolinyi, we set up our tents and prepared dinner, like the previous days.

On the morning of July 23rd we went to Topolinyi, where we had a meeting with the head of the district administration. We spent almost the whole day there, visiting the museum of local lore, studying and photographing the two constructions of former camp, measuring the officers' building and viewing the prisoners' burials and the existing cemetery. On July 24, after breakfast, on the way from Topolinyi we

< Рис.10. Сторожевая вышка / Watchtower

в Рис.12. Участок дороги под названием "Заячья петля" / A part of the road called "Hare's Loop"





Строительство Центра управления перевозками Восточного региона, г. Иркутск



Строительство вокзала ст. Падунские Пороги



Иркутскжелдорпроект-филиал ОАО «Росжелдорпроект»

История развития института «Иркутскжелдорпроект» неразрывно связана с летописью Российских железных дорог, и в первую очередь с Восточно-Сибирской железной дорогой.

В 2003 году в связи с образованием ОАО «РЖД» институт реорганизован в филиал ОАО «РЖД» и получил наименование «Иркутскжелдорпроект» – филиал ОАО «РЖД». В 2006 году в рамках структурной реформы ОАО «РЖД» было образовано дочернее общество ОАО «Росжелдорпроект». Институт вошел в состав ОАО «Росжелдорпроект» в качестве филиала и стал называться Иркутский проектно-изыскательский институт «Иркутскжелдорпроект» – филиал ОАО «Росжелдорпроект»

За более полувека работы институт стал одним из ведущих проектных институтов в отрасли региона. Он занимается проектированием как всей железнодорожной инфраструктуры Восточной Сибири, так и многих социально значимых объектов Иркутской области. В послужном списке филиала – послевоенное строительство Транссиба от Иркутска до Слюдянки, Северомуйский тоннель, реконструкция Белорусского вокзала. Приоритетное направление развития Байкало-Амурская магистраль. «Иркутскжелдорпроект» работает по принципу «полный пакет услуг из одних рук», начиная от технико-экономического обоснования инвестиций и сбора исходных данных и заканчивая выдачей готовых проектных решений по различным профилям деятельности, сопровождением в Государственной экспертизе проектной документации и авторским надзором за ходом строительства.

ПИИ «Иркутскжелдорпроект» развивает и поддерживает партнерские отношения с российскими и зарубежными компаниями. Среди заказчиков института – ОАО «РЖД», администрации Иркутской области, городов Иркутска и Ангарска, Коршунский ГОК, Богучанский и Шелеховский алюминиевые заводы, ОАО «Разрез Тугнуйский» и другие. Несмотря на внушительный перечень серьезных заказчиков, деятельность ПИИ «Иркутскжелдорпроект» связана, прежде всего, с Восточно-Сибирской железной дорогой – филиалом ОАО «РЖД».

«Иркутскжелдорпроект» зарекомендовал себя как надежный партнер в работе с ОАО «РЖД». На протяжении всех лет работы института руководство тесно сотрудничает с органами государ-

ственной власти и муниципальных образований на территории Иркутской области и Республики Бурятия. Для определения перспективной направленности совместной работы по проектированию объектов социальной инфраструктуры филиал участвует в градостроительных советах Иркутска.

Виды деятельности

- инженерно-геологические, инженерно-геодезические, инженерно-экологические изыскания, инженерно-геотехнические изыскания, камеральная обработка материалов изысканий, лабораторные исследования грунтов;
- проектирование строительства, реконструкции и капитального ремонта железнодорожных линий путей и станций, объектов пассажирского хозяйства, искусственных сооружений, зданий и сооружений железнодорожной инфраструктуры проектирование объектов недвижимости промышленной и гражданской сферы (разработка градостроительной документации, проектирование объектов социально-культурной сферы, коммерческой недвижимости, жилых домов, производственных зданий и сооружений любого назначения);
- обследование строительных конструкций зданий и сооружений, инженерных систем зданий;
- экологическое проектирование (экологическое сопровождение проектной документации, нормирование загрязнений окружающей среды);
- землеустроительные работы;
- составление сметной документации;
- осуществление авторского надзора за строительством объектов.

Контакты:

664025, г Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 59
Приемная: 8 (3952) 64-40-27
Гл. инженер: 8 (3952) 64-47-28
Факс: 8 (3952) 50-51-26
ipsi@irk.ru,
www.rzdp.ru

visited the remains of camp facilities and measured and photographed the remains of the wooden bridge over the Tompo river (Fig. 11). 29 kilometers from the settlement we made a short stop at the remains of another camp, where we saw barbed wire, a watch tower and camp facilities ruined by time...

On 25 July we went to Teplyi Klyuch and then to a very difficult part of the road called "Hare's Loop", where a new road to Magadan was being built (Fig. 12). There were trucks, dust and difficult parts of the road on our way. The names of the places speak for themselves: Black Prizhim, Yellow Prizhim... With every day, with every visit to the remains of camps, roads and everything built by prisoners we had a feeling of madness, of

в Рис.11. Обмеры сохранившегося строения / Measurements of the survived structure



Не доезжая до Тополиного, остановились на ночевку, установили палатки, занялись приготовлением ужина. Все, как обычно, как и в предыдущие дни.

Утром 23 июля отправились в Тополиный, где нам предстояла встреча с главой администрации района. Здесь мы провели почти весь день: посетили местный краеведческий музей, осмотрели и зафиксировали на фото два сохранившихся строения от бывшего лагеря, выполнили обмеры здания комсостава, осмотрели захоронение заключенных и действующее кладбище. После завтрака 24 июля по дороге из Тополиного посещали остатки лагерных строений, затем на речушке Томпо выполняли обмеры сохранившихся остатков деревянного

something dreadful that we could not imagine. This article does not comprise all the details of our two-week trip, because such kind of information should be given within reasonable bounds.

In the process of discovering new places of camps, we realized that we saw an architecture of humiliation, which we had never known before. We know perfectly well a pompous and solemn Stalinist architecture of 1940-1960s, that can be seen almost in every town. Many of such buildings became national monuments of architecture. But what we saw in Yakutia was absolutely striking.

There were a lot of prison camps. They were built simultaneously with the road to Magadan. The camps were located on the goldfields. Almost the whole north-eastern part of Yakutia was covered by

camps, which totaled, according to different sources, from 105 to 165 in nine districts of this republic. When visiting the museum of local lore in Khandyga, the members of the expedition were stricken by the unique items, including those from Stalin's camps. During our expedition we have met neither cars nor people or settlements, excluding the district (ulus) centers, where we had conversations with the administrations and visited local museums. In conclusion, we would like to say that the members of the expedition are planning to continue their studies in summer 2013, in particular, we want to go to the mine Alyaskitovy. If it works, we shall tell the readers a new story about our discoveries.

Nikolai Kradin

моста, фиксировали их на фото (рис.11). Отправившись дальше, в 29 км от селения сделали кратковременную остановку у остатков еще одного лагеря. Колючая проволока, сторожевая вышка, порушенные временем лагерные строения...

25 июля выехали в сторону Теплового ключа, а оттуда очень к сложному участку дороги под названием «Заячья петля», где строители сооружают новую дорогу на Магадан (рис.12). Кругом самосвалы, пыль, сложные участки дороги, где особо и не разгонишься. Одни названия мест чего стоят – «Черный прижим», «Желтый прижим»... С каждым днем, с каждым новым посещением остатков лагерей, дорог, и всего того, что создавалось здесь силами заключенных, нас не оставляло ощущение какого-то безумия, чего-то страшного и ужасного, о чем в действительности мы и не догадывались. Можно, конечно же, во всех подробностях и деталях описывать наше двухнедельное путешествие, повествуя обо всем увиденном, однако в рамках небольшой статьи, мне кажется, это будет не совсем уместным. Такая информация должна быть дозированной.

С каждым днем, по мере знакомства все с новыми и новыми местами, где находились лагеря, нас не покидало чувство, что мы наблюдаем какую-то неведомую нам доселе архитектуру – архитектуру унижения. Мы все хорошо знаем сталинскую архитектуру 1940-1960-х годов практически во всех наших городах – помпезную, величественную. Многие из таких сооружений стали памятниками архи-

тектуры и находятся под охраной государства, однако то, что нам пришлось увидеть в Якутии, поразило до невероятности.

Лагерь здесь было много. Они создавались по мере продвижения строившейся дороги на Магадан, находились они и в местах золотодобычи. Практически весь северо-восток Якутии был охвачен лагерями, которых, по разным источникам, было от 105 до 165 в девяти районах этой республики. При посещении в Хандыге музея краеведения участники экспедиции были поражены уникальными экспонатами, собранными здесь, в том числе и относящимися к эпохе сталинских лагерей. Практически в течение всех дней мы не встречали никого – ни машин, ни людей, ни селений, исключая районные (улусные) центры, в которых встречались и общались с администрацией, посещали местные краеведческие музеи. В заключение хочется лишь добавить, что члены экспедиции планируют летом 2013 года продолжить свои исследования, в частности, посетить места в районе рудника Аляскитовый. Надеюсь, это получится, и тогда мы вновь встретимся с читателями с рассказом о новых находках.

Николай Крадин